

МАГИЯ
БЕЗУМИЯ

Читайте в серии:

МАГИЯ БЕЗУМИЯ

продолжение следует...

А.Г. ГОВАРД

МАГИЯ БЕЗУМИЯ

Freedom
Москва
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44
Г57

A. G. Howard
SPLINTERED

Text copyright © 2013 Anita Howard

Говард, А. Г.

Г57 Магия безумия / А.Г. Говард ; [пер. с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с. — (Young Adult. Алиса. На темной стороне).

ISBN 978-5-04-090476-1

Серия книг А. Говард переведена на 10 языков! Книга «Магия безумия» вошла в топ-10 лучших книг 2014 года и удостоилась восторженных отзывов в самых известных журналах: «Publishers Weekly», «Kirkus Review», «Booklist» и др.

Страна Чудес далеко не такая, какой мы ее себе представляли. Она куда более мрачная и зловещая и таит в себе множество неразгаданных тайн. Много лет назад это место наложило свое проклятие на Алису Лидделл, девочку, прыгнувшую в кроличью нору. Спустя десятилетия ее правнучка Алисса Гарднер начинает слышать разговоры цветов и насекомых, а ее мать сходит с ума. Чтобы спасти свою семью, Алисса должна отправиться в Страну Чудес и остановить действие проклятия. Для этого ей придется осушить море слез, сразиться с Бармаглотом и противостоять коварству местных жителей. Но исправить ошибки прошлого не так просто, как и узнать, что же натворила Алиса Лидделл и что навсегда изменило некогда прекрасный подземный мир.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

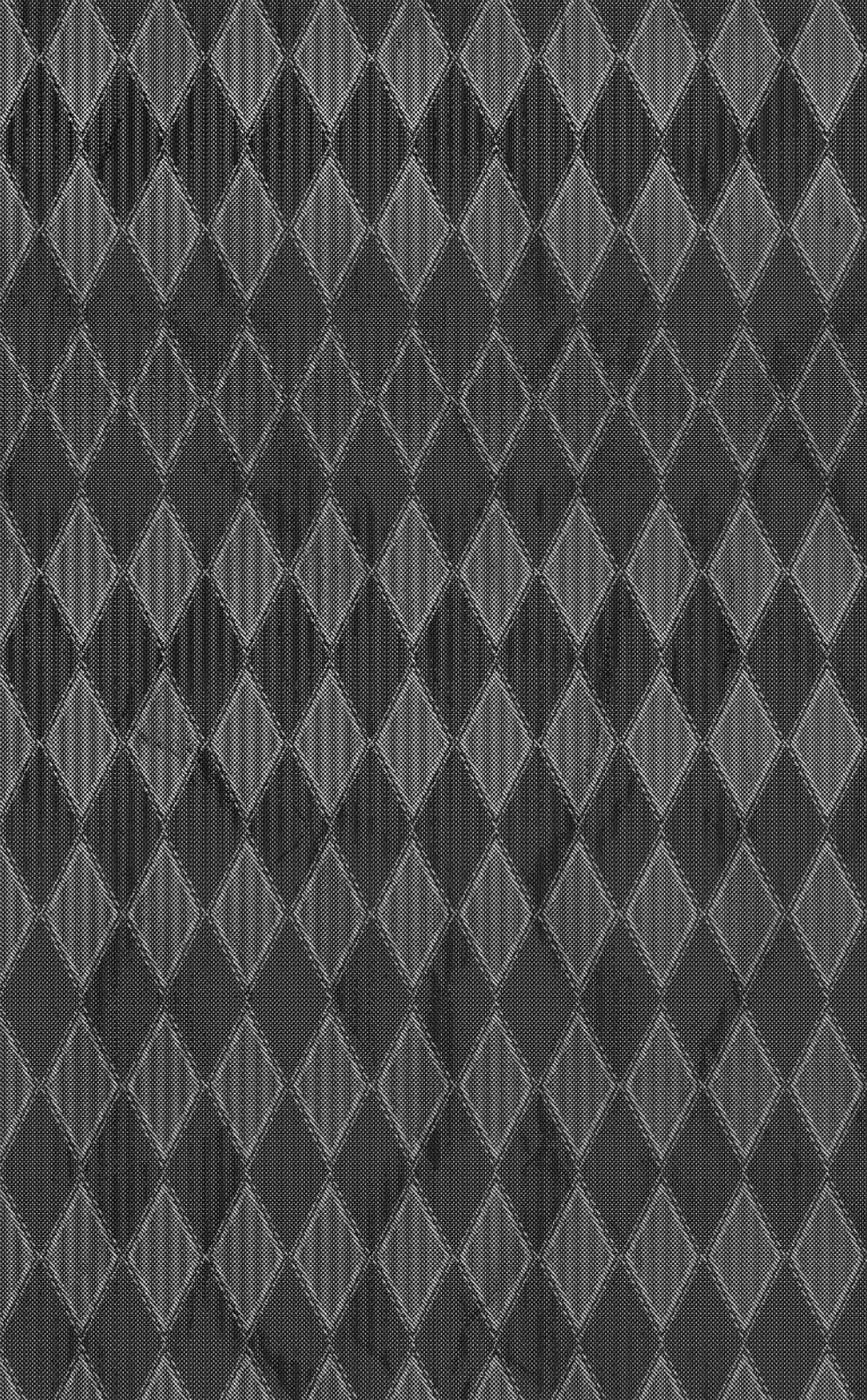
ISBN 978-5-04-090476-1

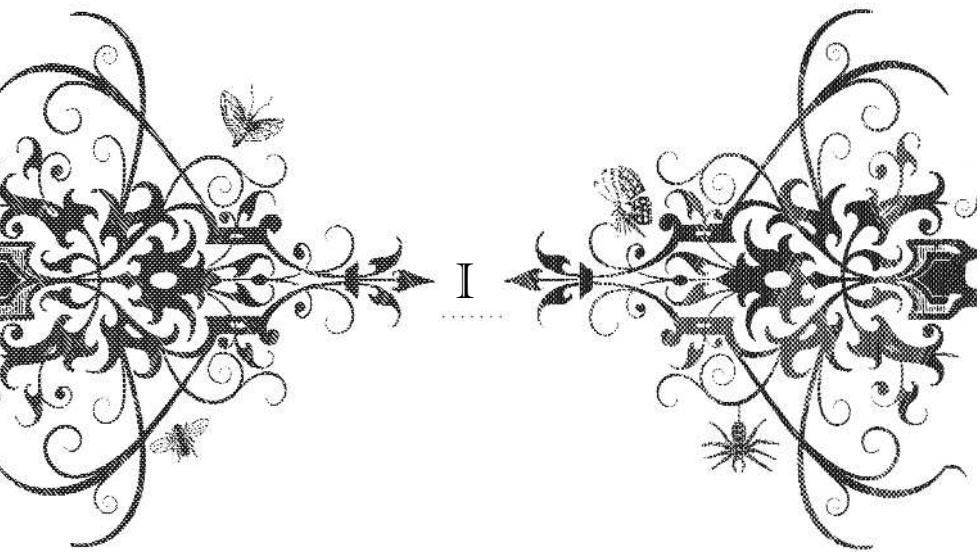
© Сергеева В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Посвящаю Винсу, моему мужу и настоящему герою, и двум моим замечательным детям, Николь и Райану. Вы с энтузиазмом приняли мою мечту, как свою собственную, и придали мне смелости в полете. Благодаря вам я поймала эту прекрасную падающую звезду.

Билет в подземный мир

Я коллекционировала насекомых с десяти лет; это был единственный способ заставить их замолчать. Если проткнуть насекомое булавкой, оно живо замолкает.

Некоторые мои жертвы лежат в застекленных коробках вдоль стен, другие хранятся на полке, в стеклянных банках, отложенные для дальнейшего использования.

Сверчки, тараканы, пауки... пчелы и бабочки. Я не привередлива. Как только они становятся слишком разговорчивы, то превращаются в мою законную добычу.

Поймать их нетрудно. Берешь пластмассовое ведро с крышкой, насыпаешь в него наполнитель

для кошачьего лотка, бросаешь туда же несколько банановых шкурок. Просверлить дырку в крышке, просунуть в нее жесткую трубочку — и ловушка для насекомых готова. Банановые шкурки приманят их, крышка не даст выбраться, а нашатырный спирт, который содержится в кошачьем наполнителе, удушит и законсервирует.

Но насекомые умирают не напрасно. Они нужны мне для мозаики — я выкладываю их тельцами разные фигуры. Сухие цветы, листья, кусочки стекла добавляют яркости и объема узорам, которые возникают на гипсовом фоне. Это мои шедевры... моя зловещая мозаика.

Сегодня уроки у старшеклассников закончились в полдень. Я уже час тружусь над очередным творением. Посреди художественных принадлежностей, которыми завален стол, стоит банка с пауками.

Сладкий запах золотарника врывается в окно спальни. Рядом с моим домом — целая поляна, которая привлекает пауков-бокоходов. Они умеют менять цвет — точь-в-точь восьминогие хамелеоны, — чтобы оставаться незамеченными среди белых и желтых цветов.

Сняв с банки крышку, я длинным пинцетом достаю тридцать пять маленьких белых паукообразных, стараясь не раздавить им брюшки и не поломать ноги. Потом крохотными булавками я прикрепляю их к черной гипсовой поверхности, уже покрытой жуками, которых я выбрала из-за их переливающейся, как ночное небо, оболочки. Но я хочу изобразить не обычную россыпь звезд; это созвездие, которое изгибается, как след молнии. В моей голове сотни таких причудливых видений — я понятия не имею, откуда они взялись. И мозаика — единственный способ дать им волю.

Откинувшись на спинку стула, я изучаю свое произведение. Как только гипс засохнет, насекомые надежно в нем застынут, поэтому если и вносить какие-нибудь поправки, то быстро.

Взглянув на электронные часы у постели, я постукиваю пальцем по нижней губе. Меньше чем через два часа мы с папой встречаемся в клинике. Пятничной традицией с детсадовских времен было покупать шоколадное мороженое со вкусом чизкейка и угощать им Элисон.

Замерзший мозг и ледяное сердце — не мой идеал приятного времяпрепровождения, но папа утверждает, что это полезно всем нам. Вероятно, он думает, что, общаясь с мамой и бывая там, где в один прекрасный день, возможно, мне предстоит поселиться, я каким-то образом добьюсь успеха вопреки ожиданиям.

Страшно жаль, что он ошибается.

По крайней мере, есть хоть что-то хорошее в моем наследственном безумии.

Не будь у меня галлюцинаций, я, вероятно, никогда не стала бы художницей.

Моя одержимость насекомыми началась однажды в пятницу, в пятом классе. Это был трудный день. Таэлор Тремонт всем сказала, что я — потомок Алисы Лидделл, девочки, которая вдохновила Льюиса Кэрролла написать «Приключения Алисы в Стране Чудес».

Поскольку Алиса действительно была моей прапрабабушкой, одноклассники всю перемену доставали меня насчет Сони и Безумного Чаепития. Я думала, что хуже уже некуда, но вдруг почувствовала что-то мокрое в джинсах и в ужасе поняла, что

у меня начались первые месячные. Я была совершенно к этому не готова! На грани слез, я схватила чей-то свитер, лежавший в кучке потерянных вещей возле входа, и обвязала его вокруг талии, чтобы дойти до медпункта. Я шла, опустив голову, не в силах ни с кем встретиться взглядом.

В медпункте я притворилась, что мне дурно, и позвонила папе, чтобы он забрал меня из школы. Ожидая его, я воображала горячий спор между цветами, стоявшими на столе медсестры, и шмелем, который вился вокруг. Это была мощная иллюзия: я в самом деле слышала их разговор, так же отчетливо, как шаги школьников в коридоре за дверью.

Элисон предупредила, что в один прекрасный день я «стану женщиной». И что тогда я начну слышать голоса. Но я решила, что она так говорила просто из-за своего болезненного состояния...

Эти голоса невозможно было игнорировать, как и рыдания, от которых у меня сдавило горло. И я сделала единственно, что могла, — отмахнулась от того, что происходило в моем сознании. Скатав в трубку плакат с изображением четырех основных групп продуктов питания, я хлопнула по шмелю и оглушила его, а потом вытащила цветы из вазы и сжала их между страницами блокнота, успешно заглушив болтовню лепестков.

Когда мы добрались до дома, мой бедный рассеянный папа предложил сварить куриный суп. Я отказалась и пошла к себе.

— Как тебе кажется, ты сможешь вечером съездить к маме? — спросил он из коридора. Папа всегда опасался нарушить ее обостренное чувство порядка.

Я закрыла дверь, не ответив. Руки у меня дрожали. Я тщетно искала какое-то объяснение тому,

что произошло в кабинете медсестры. Наверное, меня расстроили шуточки одноклассников, а когда в дело вмешались гормоны, случилась паническая атака. Ну да. Все понятно.

Но в глубине души я понимала, что лгу самой себе. Меньше всего мне хотелось ехать с визитом в сумасшедший дом.

Через пять минут я вернулась в гостиную. Папа сидел в своем любимом кресле — плисовом, потертом, громоздком, украшенном аппликациями в виде маргариток. Во время одного из своих припадков Элисон обшила все кресло тряпичными цветами. И папа не желал с ним расставаться.

— Тебе лучше, Бабочка? — спросил он, оторвавшись от рыболовного журнала.

Порыв сырого воздуха из кондиционера охладил мое лицо, когда я прислонилась к ближайшей стенке, обшитой деревянными панелями. В нашем небольшом доме всегда трудно было по-настоящему уединиться, а в тот день он казался еще меньше обычного.

Папины волнистые темные волосы колыхались от сквозняка. Я переступила с ноги на ногу. Вот почему мне никогда не нравилось быть единственным ребенком — не с кем поговорить по душам, кроме папы.

— Надо кое-что купить. Нам дали всего одну штуку, образец.

Папа смотрел на меня бессмысленно, как олень, разглядывающий забитое шоссе в утренний час пик.

— Ну, у нас в школе был особый разговор, — продолжала я, не зная, куда деваться от смущения. — Такой, куда мальчики не допускаются...

Я достала фиолетовую брошюрку, которую раздали всем девочкам в третьем классе. Она помялась,

потому что все это время лежала в ящике комода, под носками.

После неловкой паузы папа страшно покраснел.

— А. Так вот почему...

Он вдруг с преувеличенным вниманием принялся разглядывать цветные наживки для морской рыбалки. Папа то ли смутился, то ли встревожился, а может быть, то и другое, поскольку в радиусе пяти сот миль от города Плезенс, штат Техас, не было никакого моря.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, да? — спросила я. — Элисон снова будет говорить со мной о половой зрелости.

Теперь у папы покраснело не только лицо, но еще и уши. Он перевернул страницу, тупо глядя на картинку.

— Ну, кто же лучше мамы расскажет тебе про птичек и пчелок. Правда?

Внутренний голос ответил: «Сами пчелки, очевидно».

Я кашлянула.

— Нет, папа. Она не про это будет говорить, а про всякие странные штуки. Типа: «Ничего не делаешь, ты, как и я, не сумеешь заглушить голоса, и зачем только твоя прапрапра залезла в кроличью нору». И так далее.

Не важно, что Элисон, в конце концов, могла оказаться права насчет голосов. Я не была готова признаться в этом папе. Или самой себе.

Он сидел неподвижно, как будто воздух из кондиционера его заморозил.

А я изучала перекрещивающиеся шрамы у себя на ладонях. Мы с ним оба знали: проблема не в том, что Элисон могла сказать, а в том, что она могла

сделать. Если случится очередной приступ, на нее наденут смирительную рубашку.

Я давным-давно узнала, почему она называется смирительной. Лучше было бы назвать ее души-тельной. Она такая тугая, что кровь останавливается и руки немеют. Такая тугая, что от нее невозможно избавиться, кричи не кричи. Такая тугая, что у родных человека, на которого ее надели, замирают сердца.

Я почувствовала, как подступили слезы.

— Слушай, папа, у меня был очень поганый день. Пожалуйста, давай не поедем сегодня. Ради исключения.

Папа вздохнул.

— Я позвоню в лечебницу и предупрежу, что мы навестим маму завтра. Но все-таки тебе надо с ней поговорить. Ты же понимаешь, что для нее это важно? Не терять с тобой связи.

Я кивнула. Пускай мне придется сказать Элисон, что я стала женщиной, но ведь не обязательно говорить, что я стала такой же, как она.

Поддев пальцем ярко-розовый шарф, повязанный поверх джинсовых шорт, я уставилась себе на ноги. В покрытых розовым лаком ногтях отражался вечерний свет, лившийся из окна. Розовый всегда был любимым цветом Элисон. Поэтому я его и носила.

— Папа, — проговорила я чуть слышно, только чтобы он услышал. — А вдруг Элисон права? Я сегодня кое-что заметила. Кое-что... странное. Я ненормальная.

— Ты нормальная, — ответил он, усмехнувшись, совсем как Элвис Пресли. Когда-то папа рассказал мне, что именно эта ухмылка помогла ему покорить

Элисон. Но лично я думаю, что причиной тому стали его доброта и чувство юмора, ведь именно благодаря им я держалась и не рыдала каждую ночь, когда Элисон впервые отправили в лечебницу.

Скатав журнал в трубку, папа засунул его в щель между сиденьем и подлокотником кресла. Он встал и, возвышаясь надо мной (шесть футов один дюйм), ласково постучал пальцем по ямочке на моем подбородке. Это единственная наша с ним общая черта, в остальном я похожа на Элисон.

— Послушай, Алисса Виктория Гарднер. Нормальность — вещь субъективная. Не позволяй никому внушать тебе, что ты какая-то не такая. Потому что для меня ты абсолютно нормальная. А мое мнение — это самое главное. Поняла?

— Да, — шепотом ответила я.

— Хорошо.

Он сильными теплыми пальцами сжал мое плечо.

К сожалению, подергивание левого глаза его выдало. Папа волновался — а ведь он и половины не знал.

Ночью я ворочалась и металась в постели. А когда наконец заснула, мне впервые приснился Алисин кошмар — и с тех пор он преследовал меня во сне.

Я бреду по шахматной доске в Стране Чудес, спотыкаясь о неровные грани клеток. Только я — это не я. Во сне я — Алиса, в синем платице и кружевном переднике. Мне нужно скрыться от тиканья карманных часов Белого Кролика. Он выглядит так, словно его заживо освежевали — не считая ушей.

Червонная Королева приказала, чтобы мне отрубили голову и засунули ее в банку с формальдегидом. Я украла королевский меч и пустилась в бег.

Надо найти Гусеницу и Чеширского кота. Они — мои единственные друзья и союзники.

Погрузившись в лес, я рублю мечом ветки, которые свисают, заслоняя путь. Из земли выскакивает колючий терновник. Шипы цепляются за передник, раздирают кожу, точно жестокие когти.

Повсюду, как башни, возвышаются древовидные одуванчики. Я — не больше сверчка, как и все остальные.

Наверное, мы что-то такое съели...

За спиной, совсем рядом, часы Белого Кролика начинают тикать громче. Их слышно даже сквозь шаги тысяч марширующих солдат — игральных карт. Задыхаясь в облаке пыли, я вбегаю на поляну, где высятся грибы со шляпками размером с колесо грузовика. Дальше бежать некуда.

Один взгляд на самый большой гриб — у меня сжимается сердце. Место, где некогда сидела Гусеница, предлагая совет и дружбу, сплошь опутано густой белой паутиной. Что-то движется в середине, к тонкому кокону изнутри прижимается чье-то лицо, ровно настолько, чтобы я могла разглядеть очертания, но никаких конкретных деталей. Я подхожу ближе, отчаянно желая понять, кто или что там прячется... но тут в воздухе повисает улыбка Чеширского кота. Кот кричит, что потерял тело, и я отвлекаюсь...

Карточная армия приближается. В следующее мгновение меня окружают. Я швыряю меч, сама не зная куда, но Червонная Королева выступает вперед и перехватывает его в воздухе. Упав на колени, я молю о пощаде.

Все напрасно. У карт нет ушей. А у меня больше нет головы.